

ПРОБЛЕМА РЕАЛЬНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ БРАКОВ РЮРИКОВИЧЕЙ В НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Либуркин В.Н.

ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», Омск, Россия (644099, г. Омск, Набережная им. Тухачевского, 14), e-mail: Liburkin@yandex.ru

В статье проведен критический анализ нередко встречающихся в специальной литературе примеров неканонических внутрдинастических браков Рюриковичей в XII столетии на предмет выяснения доказательности предположений о наличии между супругами близкого кровного родства 6-й степени. Для исследования были привлечены данные, содержащиеся в работах ряда отечественных авторов, изданных в период последних пяти лет, а также тексты древнерусских летописей и другие материалы. В результате сплошной проверки авторских ссылок на летописи было установлено, что в ряде случаев имеет место очень вольная, тенденциозная трактовка содержания последних и игнорирование данных, так или иначе ей противоречащих. Конкретная аргументация отдельных положений порой подменяется ссылками на их общеизвестность, отсутствие сомнений, очевидность и т. д. И именно в таких случаях оказалось возможным подвергнуть сомнению либо сам факт реального существования ряда брачных союзов (датируемых ранее середины XII в.), либо предложить иные, не противоречащие данным источникам версии генеалогии супругов, исключающие близкое кровное родство между ними. Тем самым оспорено мнение о «широком распространении» в среде Рюриковичей нарушений церковного запрета на браки между троюродными братьями и сестрами.

Ключевые слова: генеалогия, история, летописи, Русь, Рюриковичи, кровное родство, близкородственный брак, церковные каноны законного брака.

PROBLEM REALITY OF THE EXISTENCE OF A CLOSELY-RELATED MARRIAGES AMONG RURIKID IN THE NEWEST NATIONAL HISTORIOGRAPHY

Liburkin V.N.

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia (644099, Omsk, Quay them. Tukhachevsky, 14), e-mail: Liburkin@yandex.ru

The purpose of the article is to give a critical analysis of some encountered in a special literature examples of disputed apocryphal marriages inside the Rurikid dynasty in the 12th century in order to determine evidentiary presumptions about the close spouses consanguinity of the 6th degree. The data contained in the works of numerous domestic authors, published during the last 5 years as well as the text of ancient Russian Chronicles and other materials were used for the investigation. As a result of the continuous verification of copyright links at the Chronicles were found that in some cases a tendentious interpretation or ignoring data contrary to it one way or another. The specific case of individual provisions are sometimes substituted for references to their notoriety, no doubt, evidence, etc. And it is such cases that, it was possible to question either the actual existence of a number of this unions (dating back to before the middle of the 12th century), or suggest other versions of the genealogy spouses not contradicting to data of the sources, but excluding close blood relationship between them. Thus is rejected the view about dissemination widely inside the Rurikid dynasty of violations of the ban on marriage between second cousins.

Keywords: genealogy, history, ancient Russian chronicles, Russ, Rurikid dynasty, consanguinity, closely-related marriage, the ecclesiastic canons of lawful matrimony.

В современной отечественной историографии заметно возрос интерес к генеалогическим исследованиям, в частности, к матримониально-политическим союзам Рюриковичей, что уже дало чрезвычайно интересные результаты и позволило весьма значительно конкретизировать и расширить представления о внутривнутриполитической жизни Руси и ее международных связях в XI–XIII вв. Вместе с тем в новейших исследованиях по этой тематике наметились два прямо противоположных подхода. Один представлен авторами, которые обращаются к генеалогии как вспомогательному средству решения проблем из области политической истории; наличие

политически мотивированного матримониального союза является здесь в качестве аргумента прежде всего, а потому его доказательности и тщательному изучению источников придается особое значение. Другой – сориентирован преимущественно на собственно генеалогические проблемы, причем политическая составляющая брачных союзов выступает в качестве едва ли не главного доказательства реальности их осуществления с нарушением церковных норм. Самая возможность таких нарушений не ставится под сомнение, альтернативные варианты генеалогии супружеских пар не рассматриваются, цитация текста источников подменяется их вольной трактовкой, создающей искаженное представление о действительном содержании.

В результате, если целью исследования оказывается поиск неканонических браков между близкими родственниками, то они легко находятся, и каждый такой новый брак становится косвенным подтверждением других подобных, включается в некую «традицию» нарушения церковных брачных канонов. Одно нарушение способно стать «прецедентом... своеобразного каскада» нелегитимных браков среди потомков такого брачного союза, как это, якобы, имело место с представителями четырех поколений потомков Владимира Мономаха по линии его дочери Агафьи [2. С. 65-66]. В такой ситуации невольно возникает мысль о порочном круге, чтобы разорвать который, необходимо тщательно перепроверить обоснованность обвинений Рюриковичей в небрежении церковным запретом на супружество близких родственников.

1. Одним из наиболее распространенных в литературе примеров близкого, в 6-й степени, родства супругов является брак Агафьи, дочери Владимира Мономаха и некоего Всеволодка, заключенный отцом невесты в 1117 г. Поскольку летописная фраза «Володимеръ ѿда дщерь свою Огафью за Всеволодка» [9. Стб. 284] не дает каких-либо указаний на происхождение жениха, то его идентификация породила со времен В.Н Татищева целый ряд разных версий, которые еще умножились за счет дублирования и комбинаций. Так появилось, в частности, отождествление «Всеволодка» 6624 года с неизвестным летописи сыном Давыда Игоревича, правнуком Ярослава Мудрого. В ходе работы над «Историей Российской» Татищев отказался от версии о супруге Агафьи как сыне Давыда Святославича, но под 1141 г. вне связи с браком Агафьи, «зде токмо», т.е. первый и единственный раз, как посчитал историк, упомянут «князь городецкий Всеволод Давыдович, внук Игорев» [9. С. 154, 267. Прим. 398; 7. С. 310]. Эта его погрешность оказалась очень притягательной для исследователей, склонных преувеличивать распространенность в роде Рюриковичей запрещаемых православной церковью родственных браков в 6-м колене [2. С. 66. Примеч. 73]. Даже убедившись в том, что в сообщении о смерти Всеволода Городенского Татищев «домыслил» его генеалогию, они продолжают настаивать на том, что «догадка В. Н. Татищева остается наиболее вероятной версией происхождения этого князя», в подтверждение чего, собственно, и понадобилось огульное обвинение «рода Рюриковичей» в пренебрежении к церковным канонам брака [7. С. 321-322].

Предложенная же А.В. Назаренко аргументированная идентификация супруга Агафьи как сына Ярослава Ярополчича, внука Изяслава Ярославича [3. С. 179; 5. С. 138], снимающая с него подозрения в близком родстве с Мономаховной, этими исследователями отвергается в пользу, якобы Татищевской, версии о внуке Игоря Ярославича, а смущает лишь отсутствие в обстоятельствах брака Агафьи с Всеволодом очевидных политических мотивов, которые могли заставить Владимира Мономаха нарушить церковный запрет на этот брак его дочери с троюродным братом [2. С. 66. Примеч. 73]. Поскольку всякая попытка найти оправдания для брака правнучки Ярослава Мудрого с его же правнуком неизбежно означает признание их близкородственной связи, не лучше ли принять, как более вероятную версию А.В. Назаренко, которая имеет уже то преимущество, что исключает кровное родство этой супружеской пары.

2. Еще одна попытка идентификации отца «Всеволодковен», восходящая к В.Н. Татищеву, что им был Всеволод Мстиславич, внук Мономаха, включает предположение, что его брак в 1123 г. с дочерью Святослава Давыдовича был для жениха вторым. Это позволяет снять с его, Всеволода Мстиславича, дочери и зятя, Владимира Давыдовича, обвинение в родстве 4-й степени и настаивать на том, что «отцовство Всеволода Мстиславича следует, не сбрасывая со счетов полностью, признать», хотя и «крайне маловероятным» [2. С. 47-48. Примеч. 12].

Но указание на брак Всеволода со Святославной встречается только в Новгородской I-й летописи, причем под 1106 г.: «Въ то же лѣто пострижеса Святоша князь, сынъ Давыдовъ, в Черниговѣ, тѣсть Всѣволожь» [6. С. 19, 203] (в Академическом списке Ипатьевской летописи соответствующий фрагмент статьи 1106 г. утрачен, после слов «В то же лѣто пострижеса Еоупракси *Всеволожа* дщи. мѣца декабря. въ .ѣ. днѣ...» идет пробел в 13 строк, а по другим спискам читается: «тогда пострижеса княз с(вя)тоша. сынъ двдвѣ. вноук с(вя)тославль никола мсца февраля. въ зѣ» [8. Стб. 257-258. Примеч. И]). И лишь через 17 лет и только в той же Новгородской летописи под 1123 г. глухо отмечено: «Оженися Всеволодъ, сынъ Мьстиславль, в Новѣгородѣ» [6. С. 205] – без указания имени невесты. Кроме того, что назвать Святослава Давыдовича «тестем» Всеволода за 17 лет до свадьбы его дочери по меньшей мере странно (скорее уж можно допустить искажение испорченного текста переписчиком, прочитавшим слова «Еупракси *Всеволожа*» как «тесть *Всеволожь*»), надо учесть, что Всеволод Мстиславич родился в 1097 г. [4. С. 607], в 1106-м ему было едва 9 лет – для жениха маловато, а к 1123 г., напротив, засиделась в девках невеста, родившаяся до 1106 г., когда ее отец удалился от мира. Иначе говоря, брак Всеволода Мстиславича с дочерью Святослава Давыдовича – фикция.

К тому же этот брачный союз наталкивается на более ранний, 1112 года, брак Ярослава Святополчича, троюродного брата Святоши, с Мстиславной – сестрой его будущего зятя, при этом последний оказывается в 1145 г. еще и братом невестки Святослава Давыдовича, своего тестя, то есть Владимир Давыдович и «Всеволодковна» Мстиславича и в этом случае опять

связаны – если не кровным родством, то не менее близким свойством 4-й степени, что «также является исключительным для Рюриковичей нарушением канона» [2. С. 48. Примеч. 12].

3. Еще одна генеалогическая фикция – брак между Святославом Давыдовичем и Анной Святополковной, правнуками Ярослава Мудрого [7. С. 322]. Брачный союз этой пары, как и наличие у Святополка Изяславича дочери с таким именем, хотя и упоминается в некоторых генеалогических справочниках, источниками не подтверждается [2. С. 66. Прим. 74; 5. С. 152].

4. Упоминание о третьем браке Ярослава Святополчича как близкородственным [5. С. 129. Примеч. 28] – явное недоразумение, на что уже указано в литературе [2. С. 66. Примеч. 74] и ясно из слов самого автора этой досадной ошибки: «Ярослав женился на внучке Мономаха <...> этот союз был браком между правнуками Ярослава Мудрого» [5. С. 95]. Однако внучка Мономаха приходилась Ярославу Мудрому праправнучкой и состояла с мужем в 7-й степени родства, о чем ранее писал и сам А.В. Назаренко [4. С. 579]. Не дает оснований для каких-либо сомнений и текст летописи, где под 1112 г. четко читается «Æрославъ... снѣ Стѣполчъ... посла Новгороду. и поæ Мьстиславлю дщерь собѣ женѣ. Володимерю внуку» [8. Стб. 273].

5. На существование брака Ростислава Глебовича и дочери Ярослава Святополчича указывает только летописная запись под 6666 (1157/8) г.: «престависа Софѣæ Æрославна. Ростиславлаæ Глѣбовича» [8. Стб. 491]. Признание этой Ярославны внучкой Святополка Изяславича, при том что отец Глеба был женат на «дочи Æрополча Изяславича» [8. Стб. 492], действительно, дает повод предположить ее кровное родство с супругом. Однако чтобы этот брак признать близкородственным в 6-й степени, необходимо убедиться, что Ростислав был внуком Ярополка Изяславича, то есть родился именно от его дочери, бывшей в начале XII в. замужем за Глебом. А это условие наталкивается на хронологические неувязки: Ярополковна, вдова Глеба, умерла в том же году, что и невестка, в возрасте 84 лет, то есть родилась она в 1074 г. и достигла брачного возраста около 1086 г. [4. С. 526-527]. Ее будущему супругу тогда шел уже четвертый десяток и, соответственно, брак с Ярополковной был у него не первым, а значит, и Ростислав вполне мог родиться в предшествующем браке Глеба [5. С. 153-154], что, правда, трудно как доказать, так и опровергнуть [2. С. 66. Примеч. 74], но зато эта версия его генеалогии снимает с Ростислава Глебовича обвинение в близком родстве с Софьей.

6. В браке Святослава Владимировича, внука Давыда Святославича, и дочери Андрея Юрьевича Боголюбского близкое родство супругов могло иметь место только в том случае, если жених родился во втором браке отца со «Всеволодковной», внучкой Мономаха. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что сын «Всеволодковны» «уже в 1157 г. был настолько взрослым», чтобы успешно защитить Чернигов от нападения Святослава Ольговича [2. С. 47. Примеч. 9], а за год до этого (10-ти лет от роду?) «бѣжа... во Вщижь и заæ оу него все городы Подеснескыя» [8. Стб. 484]. Совершенно очевидно, что Святослав Владимирович родился

до 1144/5 г. – либо от первой жены Владимира Давыдовича (старшему сыну Давыда в 1145 г. было за 40, и его брак с «Всеволодковной» не мог быть первым [2. С. 47. Примеч. 9]), либо от наложницы-половчанки, если упомянутая в летописи под 6667 г. жена хана Башкорда была действительно «мати» Святослава (в тексте – «Мьстиславль Володимирича» [8. Стб. 501] и нет каких-либо оснований утверждать, что это была вдова именно Владимира Давыдовича). Второе предположение, во всяком случае, выглядит более реалистичным, нежели мнение, что эта женщина – внучка самого Мономаха, бегство которой по смерти супруга в степь и второе замужество за половецким ханом – событие в роду Рюриковичей мало сказать «уникальное», как, кстати, и военный союз бывшего деверя с новым мужем беглянки [2. С. 52. Примеч. 23].

7. Подобным же образом снимаются подозрения в нарушении церковных брачных правил и с другой супружеской четы – Рюрика Ростиславича, правнука Мономаха, и Анны Юрьевны, внучки Ярослава Святополчича и правнучки Мономаха по матери «Всеволодковне». (Что касается третьего брака деда Анны с Мстиславной, внучкой Мономаха в 1112 г. [8. Стб. 273], то Юрий Ярославич, судя по хронологии его упоминаний в летописи, родился во втором браке отца, и его кровное родство с супругой по этой линии исключается [3. С. 178; 5. С. 137]).

Сторонники этой версии полагают, что свадьба Рюрика и Анны, о дате которой летописи умалчивают, состоялась приблизительно в 1168–1170 гг., поскольку это хорошо соответствует времени рождения старших детей Рюрика, которых они считают, точно так же как и младших, детьми Анны. [2. С. 58-60]. Однако если старшие дети Рюрика кучно родились в 60 – начале 70-х гг. (Ростислав в 1172 [8. Стб. 567]; одна дочь была выдана замуж в 1183 г. [8. Стб. 625]; дата бракосочетания другой неизвестна, но ее дочь сосватали в 1188 г. [8. Стб. 649], то есть, учитывая обычный возраст выдачи княжон замуж, ее мать Предслава Рюриковна родилась никак не позднее 1162/3 г., что точно соответствует дате первого брака Рюрика с половчанкой Белуковной [8. Стб. 522]), то младший его сын Владимир появился на свет лишь через 15 лет после Ростислава, в 1187 г. [8. Стб. 657], и именно с этого времени Юрьевичи, братья Анны, стали именоваться в летописи «шурьями» Рюрика Ростиславича [8. Стб. 658, 665], притом что они и раньше не раз вместе участвовали в походах и упоминаются в летописи рядом, но без этого определения [8. Стб. 521, 538, 541, 631, 633].

Все это дает основание думать, что Анна Юрьевна стала супругой Рюрика никак не ранее 1186/7 года, будучи много младше своего мужа (кстати, ее брат Ярополк впервые женился в начале 1191 г. [8. Стб. 672]), а значит, она родилась около 1175 г. и потому вряд ли могла быть дочерью «Всеволодковны» от брака 1144/5 г. Соответственно, отпадает и подозрение в ее близком кровном родстве с Рюриком Ростиславичем. А ссылка на то, что Анна однажды названа в летописи «бабой» дочери Ростислава Рюриковича [8. Стб. 708], внучки ее супруга,

ничего не меняет: «муж и жена – едина плоть» (равно как и именование Предславы «теткой» новорожденной: Ростислав и Предслава в любом случае – родные брат и сестра по отцу).

8. В случае брака Глеба Святославича, внука Всеволода Ольговича, и другой (вероятно, младшей) дочери Рюрика Ростиславича, близкое родство супругов предполагается по линии бабки жениха, дочери Мстислава Владимировича («Мария?»), якобы вышедшей в 1116/7 г. замуж за Всеволода Олеговича [2. С. 63-64]. Всеволод Олегович, действительно, был женат на дочери Мстислава и, возможно, ее звали Марией, но их свадьба состоялась много позже, судя по всему, в 1139/40 г., когда «посла Вачьславъ и Изаславъ Мьстиславичъ послы свои къ Всеволодоу съ рѣчими радитса. Всеволодъ же... съдоумавъ. вже емоу безъ нихъ нѣлзѣ быти. и... крестъ к нимъ цѣлова. В се же лѣто родиса у Всеволода сынъ и нарекоша има емоу Ёрославъ» [8. Стб. 306], после чего Мстиславичи стали именоваться в летописи «шурьями» Всеволода, а он их «зятем», причем прочие Ольговичи осудили его за этот брачный союз и «любовь... съ Мьстиславичи. съ шюрями своими, а с нашими ворогы» [8. Стб. 308-310, 313].

Итак, если датировать брак Всеволода Ольговича с Мстиславной 1139/40 г., то Святослав Всеволодич не мог быть ребенком от этого брака, поскольку уже в 1140 г. отец намеревался отправить его (годовалого младенца?) на княжение в Новгород Великий (и Святослав даже отправился было в путь), а в 1141 г. реально дал сыну Туров [8. Стб. 307, 310]. Ясно, что отец Глеба Святославича не был связан кровным родством с Мстиславичами, из чего следует, что и его сын Глеб не состоял в родстве 6-й степени со своей невестой Рюриковной.

Что же касается отнесения свадьбы Всеволода Олеговича с Мстиславной на 1117 г., то эта ошибка обязана своим возникновением ложной идентификации В. Н. Татищевым личности «Всеволодка», обвенчанного в этом году с дочерью Владимира Мономаха Агафьей [3. С. 174]. Именно в «Истории Российской» безвестный жених превращается в хорошо известного князя Всеволода Ольговича, а невеста – в Мономахову внучку «Марию Мстиславну» [7. С. 301-302].

9. Брак Романа Мстиславича и Предславы Рюриковны – единственный, в котором близкое родство супругов как будто бесспорно прослеживается по мужской линии до их общего прадеда Мстислава Великого. Но и в этом случае не все так просто: происхождение жениха окутано туманом. Из летописи неясно – был ли он старшим сыном Мстислава Изяславича и был ли вообще его сыном. Согласно польской хронике В. Кадлубка, вдова Мстислава имела неосторожность признаться, что некогда она на своего старшего сына, «по причине скрытой ненависти, наклеветала, будто он ей не сын, а был подложен, когда не было надежды на потомство» (брак с Агнешкой был заключен около 1150 г., когда невесте не было и 13 лет), вследствие чего он, как «незаконорожденный», был изгнан братьями [1. С. 311]. Причем речь идет, судя по всему, не о сыне Мстислава от наложницы, а именно о безродном подкидыше.

После смерти отца в августе 1170 г. и до прибытия осенью того же года во Владимир брата Романа, старший Волынский стол занимает Святослав Мстиславич: к нему обращается и от него получает Червень изгнанный из Галича Владимир Ярославич [8. Стб. 564]. Почему Святослав уступил первенство Роману и исчез с политической арены, летопись умалчивает (его смерть в Берестье в 1172 г. – конъектура В.Н. Татищева к испорченной фразе Ипатьевской летописи: «преставильсѧ братъ ему мѣньшии *миръ* въ Берестьи» [8. Стб. 562]). Упоминание о Романи как князе Владимира-Волынского встречается в летописи лишь под 6691 (1184/5) г. Дата свадьбы Романа и Предславы тоже неизвестна, а судя по тому, что в 1188 г. они выдали дочь замуж, это произошло не позднее конца 1170-х гг. [8. Стб. 633, 660].

Во всяком случае, видимо, изгнанником надо признать Святослава Мстиславича, а его соперником, захватившим отцовский стол, – Романа. Но зачем было матери дезавуировать, да еще столь скандальным образом, своего сына? Вне зависимости от того, правду ли говорила вдова Мстислава и кого из сыновей имела в виду, ее слова бросают тень на всю семью, в том числе и на Романа...

Представленный обзор внутрдинастических браков Рюриковичей, которые фигурируют в литературе в качестве примеров нарушения князьями церковного запрета на супружество лиц, состоящих в кровном родстве 6-й степени, позволяет сделать следующие выводы. Все браки такого рода, датируемые периодом до середины XII в., представляют собой очевидные историографические заблуждения, отчасти восходящие к трудам В.Н. Татищева, и связаны они исключительно с ложной генеалогической идентификацией личности супругов. Большая часть примеров предположительно близкородственных браков середины и второй половины XII в. содержит в генеалогической истории супругов слабые «звенья», которые позволяют предложить иные, не противоречащие данным источников и при этом не «обвинительные» версии родственных отношений брачующихся. Исходя из принципа равной вероятности двух версий, очевидно, следует отдать предпочтение той, которая встречает меньше возражений, в данном случае – не противоречит церковным нормам регулирования брачных союзов. А если перевести проблему в другую плоскость и задаться вопросом: доказано ли сколько-нибудь широкое распространение на Руси в XII в. нелегитимных с точки зрения церкви браков лиц, состоящих в кровном родстве не 6-й степени, то ответ будет однозначным – нет, не доказано.

Список литературы

1. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т.Н. Джексона, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Т. IV: Западноевропейские источники. Сост., пер. и комм. А.В. Назаренко. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – 512 с.

2. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Внутридинастические браки между троюродными братьями и сестрами в домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 1212. – № 3 (49). – С. 45-68.
3. Назаренко А.В. Городенское княжество и городенские князья в XII в. // Древнейшие государства Восточной Европы, 1998 г. / отв. ред. Т. М. Калинина. – М.: РАН, Восточная литература, 2000. – С. 169-188.
4. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных и политических связей IX – XII вв. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 784 с.
5. Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год). – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. – 528 с.
6. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / ред. А.Н. Насонов. – М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950. – 659 с.
7. Плахонин А.Г. «История Российская» В. Н. Татищева и исследование генеалогии Рюриковичей // Средневековая Русь. Вып. 4 / отв. ред. А.А. Горский. – М.: Индрик, 2004. – С.299-330.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись.– СПб.: Тип. Александра, 1908. – 938 стлб., 87 с.
9. Татищев В.Н. История Российская / подгот. к печ. М.П. Ирошников, З.Н. Савельева, под ред. С.Н. Валка, М.Н. Тихомирова. Т. 2. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1964. – 351 с.

Рецензенты:

Худяков В.Н., д.и.н., профессор, декан факультета истории, философии и права, заведующий кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск;

Чуркин М.К., д.и.н., профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск.